3 2 9 3

МРТУ 19 № 183-65

2

Mojorani III RILLER

художних в туренко

пепе—лет десять, он хрупкии, тоненькии, оыстрыи, как ящерица, пёстрые лохмотья болтаются на узких плечах, в бесчисленные дыры выглядывает кожа, тёмная от солнца и грязи. 2

Он похож на сухую былинку, – дует ветер с моря и носит её, играя ею, – Пепе прыгает по намням острова, с восхода солнца по закат, и ежечасно откуда-нибудь льётся его неутомимый голосишно: "Италия прекрасная, Италия моя!.."

Его всё занимает: цветы, густыми ручьями тенущие по доброй земле, ящерицы среди лиловатых намней,

птицы в ченанной листве олив, в малахитовом нружеве виноградника, рыбы в тёмных садах на дне моря.

Ему не по душе богатые иностранные туристы. — "Накое лицо! – говорит Пепе товарищам, указывая всевидящими глазами на немца, надутого важностью до такой степени, что у него все волосы дыбом стоят. – Вот лицо, не меньше моего живота!" в

Пепе не любит немцев, он живёт идеями и настроениями улицы, площади и тёмных лавочен, где свои люди пьют вино, играют в нарты и, читая газеты, говорят о политине.

Скучно, ногами, похожими на ножницы, шагает англичанин,— Пепе впереди его и напевает печальную песенку.

Товарищи Пепе идут сзади, кувыркаясь со смеха, и прячутся, как мыши, в кусты, за углы стен, когда иностранец посмотрит на них спокойным взглядом выцветших глаз.

Множество интересных историй можно рассказать о Пепе. Однажды какая-то синьора поручила ему отнести в подарок подруге её корзину яблок своего сада.

-Заработаешь сольдо! - сназала она. - Это ведь не вредно тебе... - Он с полной готовностью взял норзину, поставил её на голову и пошёл.

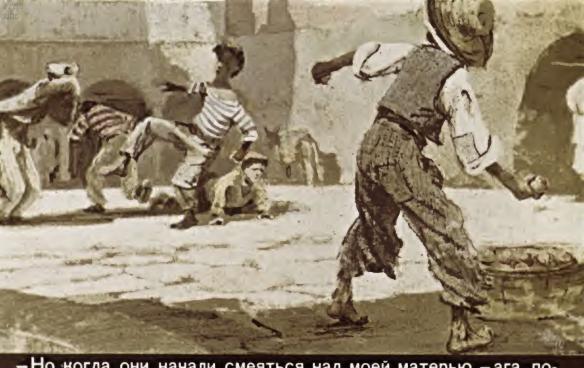
А воротился за сольдо лишь вечером.—,,Ты не очень спешил!"—сказала ему женщина.—,,Но всё-таки я устал, дорогая синьора! Ведь их было более десятка!"—вздохнув, ответил Пепе.—,,Десяток яблок?"—,,Мальчишек, синьора".

Она начала сердиться, схватила его за плечо, встряхнула: "Отвечай, ты отнёс яблони?"— "До площади, синьора!"

-Сначала я вовсе не обращал внимания на их насмешни, пусть, думаю, они сравнивают меня с ослом, я всё стерплю из уважения к синьоре, - к вам, синьора.

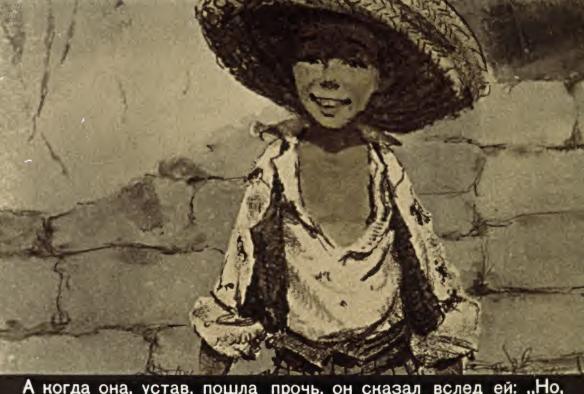
— Но ногда они начали смеяться над моей матерью, — ага, подумал я, ну, это вам не пройдёт даром. Тут я поставил норзину, и—нужно было видеть, добрая синьора, нан метно попадал я в этих разбойнинов, — вы бы очень смеялись!

-,,Онй растащили мои плоды?!"-закричала женщина.-,,О нет,-грустно вздохнув, сказал Пепе.-Но те плоды, которые не попали в мальчишек, разбились о стены, а остальные мы съели, после того нак я помирился с врагами..."

Ненщина долго кричала, извергая на бритую голову Пепе все проклятия, известные ей.

А когда она, устав, пошла прочь, он сказал вслед ей: "Но, право, вы не беспокоились бы так, если б видели, как метко попадал я в грязные головы этих мошенников".

Грубая женщина не поняла скромной гордости победителя, — она только погрозила ему железным кулаком.

Сестра Пепе, девушна много старше, но не умнее его, поступила прислугой—убирать номнаты—на виллу богатого америнанца.

Она сразу же стала чистеньной, румяной и, на хороших хлебах, начала заметно наливаться здоровым соном, нан груша в августе.

Брат спросил её однажды: "Ты ешь наждый день?" – "Два и три раза, если хочу", – с гордостью ответила она. – "Пожалела бы зубы!" – посоветовал ей Пепе.

А потом он задумался и спросил снова: "Очень богат твой хозяин?"—"Он? Я думаю—богаче короля!"—"Ну, оставим глупости соседям! А сколько брюк у твоего хозяина?"

- "Это трудно сназать. Десять, может быть, больше..." - "Поди-ка, принеси мне одни не очень длинные и тёплые".

-,,Зачем?"-,,Ты видишь-нание у меня?"-Видеть это было трудно, - от штанов Пепе на ногах его оставалось совсем немного.

-,по ведь хозяин может подумать, что мы украли?"-возразила сестра. Пепе внушительно ответил ей: ,,Не нужно считать людей глупее нас! Ногда от многого берут немножно, это не кража, а просто делёжка!"

Ногда она принесла в нухню хорошие брюни светло-серого цвета и они оназались неснольно длиннее всего тела Пепе, он тотчас догадался, нан нужно сделать.

- Дай-на нож! - сказал он. Вдвоём они живо превратили брюни американца в очень удобный костюм для мальчика: вышел несколько широковатый, но уютный мешок, а вместо рукавов отлично служили карманы.

Они устроили бы ещё лучше и удобнее, но им помешала в этом супруга хозяина брюн: явилась в нухню и начала говорить самые грубые слова на всех язынах одинаново плохо, нан это принято америнанцами.

Пепе ничем не мог остановить её красноречие, он морщился, прикладывал руку к сердцу, хватался в отчаянии за голову, устало вздыхал, но она не могла успокоиться до поры, пока не появился её муж.

- "В чем дело?" – спросил он. И тогда Пепе сназал: "Синьор, меня очень удивляет шум, поднятый вашей синьорой. Она, должно быть, думает, что я взял последние ваши брюки..."

Американец, спокойно выслушав его, заметил: "А я думаю, молодчик, что надобно позвать полицию и отправить тебя в тюрьму".—Это очень огорчило Пепе.—"Если вы любите, синьор, сажать людей в тюрьму, то – конечно!"

-Но я, будь у меня много брюн, а у вас ни одной пары, я бы дал вам две, пожалуй – три пары даже; хотя три пары брюн нельзя надеть сразу! – Американец расхохотался; ведь иногда и богатому бывает весело.

Потом он угощал Пепе шоноладом и дал ему франн. Пепе попробовал монету зубом и поблагодарил: "Благодарю вас, синьор! Нажется, монета настоящая?"

Всего лучше Пепе, когда он один стоит где-нибудь в камнях, вдумчиво разглядывая их трещины, как будто читая по ним тёмную историю жизни камня.

В эти минуты живые его глаза расширены, подёрнуты красивой плёнкой, тонкие руки за спиною и голова, немножко склонённая, чуть-чуть поначивается, точно чашечка цветка. Он что-то мурлычет тихонько, – он всегда поёт.

-Чо!- кричит он, хлопая ладонями, пугая изумрудную ящерицу.

А ногда море спонойно, нан зернало, и в намнях нет белого нружева прибоя, Пепе, сидя где-нибудь на намне, смотрит острыми глазами в прозрачную воду.

Там, среди рыжеватых водорослей, плавно ходят рыбы, быстро мельнают нреветни, боном ползёт нраб. И в тишине, над голубою водой, тихоньно течёт звонний, задумчивый голос мальчина: "О море... море..."

Взрослые люди, кто подобрее и внимательнее, говорят: "Пепе будет нашим поэтом..."

насквалино же, столяр, мудрый старик с головою, отлитой из серебра, и лицом, точно с древней римской монеты, говорит своё: "Дети будут лучше нас, и жить им будет лучше!" •

КОНЕЦ

Редантор Л. Белая Художественный редантор Л. Усайтис

Студия "Диафильм", 1968 г. Моснва, Центр, Старосадский пер., д. № 7

Д-151-68

Цветной 0-30